

Кинематографическая история, которая ждет своего
режиссёра.

Эмиль М.

Проект "Европа"

Эмиль Маммадов

**Проект Европа Часть 1 :
Дневник вёздного шахтёра**

«Автор»

2026

Маммадов Э. И.

Проект Европа Часть 1 : Дневник вёздного шахтёра /
Э. И. Маммадов — «Автор», 2026

Эта фантастика — мой первый эксперимент с формой повествования. Перед вами история, рассказанная необычным способом. Основная часть книги представляет собой мемограф — устройство из мира романа, записывающее мысли человека. По сюжету корпорация «Мегаком» создала его для контроля психологического состояния бурильщиков. Но главный герой использует мемограф совсем иначе, чтобы оставить последнее послание своей дочери. Первая часть книги — лишь начало большой истории. Она сочетает пролог, написанный в форме киносценария, и дневник, записанный мыслями героя. Дальше мир станет шире, события — масштабнее, а вопросы — сложнее. Если вы ищете лёгкое чтение, эта книга, вероятно, не для вас. Но если готовы ступить на лёд спутника Юпитера — Европы, где под километрами льда и воды скрывается нечто древнее и необъяснимое, то добро пожаловать.

© Маммадов Э. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эмиль Маммадов

Проект Европа Часть 1 :

Дневник вёздного шахтёра

От автора

Зачем мы открываем книгу?

Чтобы отвлечься от шума дня. Чтобы взять чашку кофе, устроиться поудобнее и на время исчезнуть из привычного мира. Чтобы прожить чужую историю так, словно она случилась с нами.

Но правда в другом: сегодня мы почти разучились останавливаться. Мы спешим, пролистываем, закрываем на первой странице то, что могло бы остаться в памяти надолго. Иногда судьба книги решается в первые минуты.

Поэтому я скажу главное сразу.

Перед тобой не просто история ради сюжета. Это путь через испытания, надежду, страх, любовь, утраты и выборы, за которые приходится платить. Всё то, из чего складывается человеческая жизнь.

Предсказуемость убивает любую историю. Когда заранее ясно, кто выживет, кто предаст, кто будет счастлив в финале.

Здесь гарантий нет.

Здесь суровый мир, где ошибки стоят дорого. Где свет вдали не всегда означает спасение. Где тьма не всегда означает конец.

Я не стану обманывать: будут тяжёлые моменты. Будут страницы, после которых захочется остановиться и перевести дыхание. Будут потери.

Но если ты дойдёшь до конца, эта история останется с тобой.

Не потому, что я такой особенный. А потому, что люди на этих страницах живут по-настоящему: борются, любят, ломаются, поднимаются и идут дальше.

Совсем как мы.

Дай этой книге шанс.

Читай не торопясь. Проживи этот путь вместе с героями.

А потом решай сам.

Пролог

За иллюминатором Земля. Ледяной свет луны слегка отражается по голубой поверхности, оставляет блики на стекле.

Хоффкус сидит в кресле у стола. Рядом, в глубокой тени, второй. Лица не разобрать. Только иногда белый воротник рубашки выхватывает слабый свет, и на секунду проступает тяжёлый подбородок, плотно сжатые губы. Пальцы второго лежат на подлокотнике — спокойно, неподвижно. Ни часов, ни колец.

На столе — голограмма Европы, спутника Юпитера. Белый шар в трещинах, под корой синий океан. В нём пульсирует одна красная точка.

Хоффкус трогает шрам на шее — старая операция, давняя привычка. Потом убирает руку.

— Зонды подтвердили. Пятнадцать километров вниз. Структура не природная.

Пальцы на подлокотнике чуть сжимаются. Не напряжённо. Внимательно.

— Контакт?

— Есть... Нестабильный. Но продолжает.

Хоффкус не уточняет. Второй не переспрашивает.

— В тридцать седьмом мы его потеряли.

Голос глухой, как из-под воды. Хоффкус кивает. Оба знают, о чём речь. Марс. Тридцать седьмой год. То, что не вошло в отчёты.

— В тридцать девятом появился снова. — Хоффкус касается стола, сбрасывает невидимую пылинку. — Теперь здесь.

Он смотрит на пульсирующую точку.

— Что предлагаешь?

Хоффкус разводит руками, показывая, мол очевидно что делать.

— Отправить людей. Под легендой. А если найдут?

— Если найдут — получим то, ради чего строим империю. Если нет — никто не узнает, что именно мы искали.

Второй медленно проводит большим пальцем по сгибу локтя — жест, которого Хоффкус раньше не замечал. Потом продолжает:

— Кто-то окажется под влиянием. Нам останется только ждать.

— Верно, сэр...

— И как ты собираешься это сделать на этот раз?

Хоффкус откидывается в кресле.

— У некоторых есть семьи. Сильная связь. Мы предложим им вести личный дневник. Они будут фиксировать... а мы — считывать.

Второй молчит. Потом:

— Интересно ты придумал... А если их потеряешь?

Хоффкус пожимает плечами. Равнодушно.

— Найдутся другие.

Второй смотрит на точку. Пульсация чуть заметнее, но оба делают вид, что не замечают.

— А если кто-то начнёт их искать?

— Тогда они станут частью проекта, сэр.

Второй кивает. Один раз. Поднимается.

Силуэт длинный, тень скользит по стене. У двери он останавливается, не оборачиваясь:

— Верхний этаж в курсе?

— Да.

Дверь открывается. Полоса холодного света разрезает коридор. На мгновение виден силуэт: широкие плечи, седой затылок. Свет гаснет.

Хоффкус остаётся один. Берёт стакан с янтарной жидкостью, делает глоток. Смотрит на голограмму. Красная точка пульсирует ровно, без пауз.

Он выключает изображение.

В коридоре седовласый человек касается браслета на запястье:

— Да, сэр. Мы нашли его... Принял!

Глава 1

*«Претерпевший же до конца спасётся»
— найдены в личных заметках Тора Соколина*

*Итак. У меня тут Мемограф... Красиво... Запоминающе... Подключаю... Хм... Непри-
вычно пока... Никогда не писал дневник так.*

Словами... или, точнее, с помощью мысли.

*Двигать протез мыслью, слышал, стало проще. Я видел такие технологии. Говорить не
сложно. Но записывать мысли это прорыв.*

*Каждый жест руки, каждый вздох, каждое смутное ощущение можно теперь «запи-
сать», и дневник их поймает. Хорошо, что есть функция «фильтрации» и «удаления»...*

*Поначалу всё кажется неестественным, будто я пытаюсь разговаривать с самим
собой. Со стороны, что мне пора в психушку...*

*Ну, что ж вроде привыкаю... Мысли складываются в строки, даже то, что я вижу —
всё превращается в запись.*

*Дневник стал одновременно словесным, визуальным и мысленным... Кстати я, сейчас
записываю?*

Личная Запись

Тор Соколин. Майор в отставке. Позывной «Сокол».

Это не отчёт.

Не служебная документация.

Не исповедь для начальства.

Это для тебя, Мария.

Если я не вернусь, а я почти уверен, что не вернусь, пусть эти записи останутся тебе. Как
доказательство того, что я жил не зря. Как объяснение того, чего я не успел сказать при жизни.
Это не завещание. Скорее извинение.

Я сожалею, что редко был рядом, что выбирал даль, войны и чужие миры. Я всегда гово-
рил себе, что делаю это ради вас. Возможно, я просто не умел жить иначе. Я был солдатом,
шахтёром, бурильщиком, человеком, который копал дыры в земле, в скалах, в душах... Но в
тебе моя надежда: чистая, незапятнанная. Ты мой свет в этой бесконечной тьме космоса.

Помнишь, как ты в пять лет разрисовала мой армейский жетон фломастерами? Зелёный,
жёлтый, какой-то кривой синий круг — ты сказала, что это «щит от пуль». Я тогда вернулся
в часть, и один новобранец, увидев его, принял меня за маршала, встал по стойке смирно и
отдал честь. Я не выдержал, рассмеялся. Потом смеялись все.

А ещё тот яблочный пирог. Тебе было три. Мы сожгли его до чёрной корки, дым стоял
на всю кухню. Ты кашляла, но говорила: «Папа, это самый вкусный пирог на свете». Мы съели
его весь и потом долго оправдывались перед мамой, почему дома пахнет, как после вечеринки
пожарных.

Странно, но именно тогда я был по-настоящему счастлив.

Если мне суждено исчезнуть подо льдом чужого спутника, пусть ты знаешь: я думал о
тебе до последнего. О твоей улыбке, о твоих мечтах, о том, как ты сможешь жить свободно
без моих ошибок. Это мои мысли, мой опыт, мои изречения как семена, которые я сею в твою
душу. Пусть они прорастут в нечто большее, чем я смог.

Я не умею красиво выражать чувства. Поэтому просто скажу: ты лучшее, что у меня
получилось в этой жизни.

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛИГОН МЕГАКОМА — КЭЙП-ЙОРК / ВЭЙПА — АВСТРАЛИЯ — ДЕНЬ — 22 ИЮНЯ 2147

Красная земля Австралии, изрытая карьерами и магнитными трассами. Над головой сеть орбитальных лифтов, по которым ползут грузовые контейнеры в космос. В небе рой дронов-разведчиков и пассажирских аэротакси, оставляющих белые следы в жаре +38 °С. Гигантский голографический купол Мегакома пульсирует логотипом: «МЕГАКОМ — БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ». Внизу бараки рабочих, вакуумные камеры, симуляторы бурения. Люди в экзоскелетах и защитных масках идут строем. Над всем тяжёлый гул орбитального лифта, который поднимает тонны льда и металла к звёздам. Недалеко от полигона массивное сооружение со стеклянным кубом. Кондиционеры гудят так, будто хотят заморозить саму память.

Полигон раскинулся на красной земле, как рана в теле континента. Пыль забивается в ботинки, в складки одежды, в горло, напоминая о том, как мир всегда норовит проникнуть в тебя, заполнить пустоты. Вокруг полигона чахлые эвкалипты, от которых в этой жарнице разит терпким, лекарственным запахом. Кондиционеры в стеклянном кубе гудят так, будто пытаются выморозить саму память.

Я сижу в офисе напротив клерка, по имени Марк Хоффкус. Его костюм стоит больше, чем моя годовая пенсия. Он смотрит не на меня, а сквозь меня, как бухгалтер смотрит на строку в таблице, где люди сведены к цифрам расходов и доходов.

На стене за его спиной каллиграфия. Не арабская, не кириллица, не иероглифы. Синтез... Логотип Мегакома, вписанный в геометрию, которая когда-то украшала мечети Джедды. Глобализация съела всё, оставив только узоры без молитвы.

ХОФФКУС

Майор Соколин, вы ветеран Марсианской кампании. За период вашей службы потери в вашем батальоне составили 70 процентов. Вы живучий.

СОКОЛИН

Просто повезло...

ХОФФКУС

Вы занимались подземным бурением под вражескими позициями. Почему Европа?

Я не стал придумывать красивый ответ. Зачем? Жизнь учит честности, когда уже нечего терять.

СОКОЛИН

Хорошо платят...

ХОФФКУС (кивая)

Отбор жёсткий. Дорога дальняя, опасная. Можете не вернуться.

СОКОЛИН

Мне не страшны трудности. К тому же Земля меня списала. Лечение дорогое. А с вашими технологиями у меня есть шанс пожить еще лет двадцать...

ХОФФКУС

Тут сказано, что у вас посттравматический синдром. Это может быть помехой?

СОКОЛИН

Нет.

ХОФФКУС (выдерживая взгляд)

Понятно. Тут графа семья... пропущена...

СОКОЛИН

Жена ушла. Сын давно не звонит. Дочь в долгах. Такие люди как я, вам нужны.

Хоффкус листает страницу в планшете.

СОКОЛИН

(далее раздражённо)

Зачем этот допрос? Вот он я, готовый кадр... Вы с радостью выкупите её долги, если я подпишу контракт.

Хоффкус кивнул. Не с сочувствием. С удовлетворением. Как человек, который нашёл точное число в формуле. Контракт на пятилетнюю вахту с возможностью продления. Спутник Юпитера — Европа. Бурение ледяной коры до подлёдного океана. Деньги, которых я никогда не держал в руках. Гражданство в Первой колонии. Двойной вырост пенсии. Для меня это был не шанс начать сначала. Это был шанс закончить достойно где-то там, вдали, где мой уход не потревожит никого, кроме воспоминаний.

Пока я говорил, он аккуратно протирал стекло своих часов тонкой серой тканью. Медленно, тщательно, будто каждая пылинка на них была важнее моих слов.

Вечером я позвонил тебе, Мария. Твой голос — как якорь в шторме. Ты плакала.

МАРИЯ

Папа, не надо. Мы справимся. Вернись домой...

Но мы не справимся. Ты ещё молода, чтобы понимать, как устроен этот мир. В двадцать один год ты умна не по возрасту, но доброта всегда делает людей уязвимыми. Я сказал, что это похоже на войну, только без пуль. Что я буду бурить лёд и добывать воду для человечества. Что вернусь героем.

Я солгал. Я знал это уже тогда. Герои не возвращаются — они остаются в земле, которую копали.

Ночью мне снился Марс. Красная пыль. Разорванные скафандры. Люди, которых невозможно собрать обратно. Теперь вместо пыли будет лёд. Холодный. Безмолвный. Как труп.

Я хочу быть уверенным, что ты не повторишь моих ошибок. Ты обязательно найдёшь свой путь, полный света. Это мой шанс оставить не только мысли, но и опыт.

БАРАКИ ЭКСПЕДИТОРОВ — БАЗА «ПИОНЕР-1» — НОЧЬ

Тело гудит после тренировочной смены. Плечи чужие. Пальцы ещё помнят вибрацию бура. На спутнике будет гораздо тяжелее. Поэтому тренировки важны.

Я лежу, смотрю в потолок. Спать не могу. В голове одновременно счёта. Километры. Рецепты. Дни до старта. Всё считаю, как тот гробовщик из рассказа.

Планшет на тумбочке. Как-то ты посоветовала мне: «Чехова послушай, он умеет про тоску».

Я включаю.

«Скрипка Ротшильда».

Сначала не вслушиваюсь. Голос чтеца ровный. Но потом цепляет.

«Яков никогда не бывал в хорошем расположении духа...».

Усмехаюсь в темноте. Вот это про меня.

Рассказ тянется медленно. Гробовщик считает копейки. Злится на жену. Злится на жизнь. Я слушаю и думаю о тебе, Мария. О том, сколько раз я тоже считал — не деньги, нет. Дни, которые мог бы провести рядом. И потерял.

Дальше жена умирает. Яков остаётся один.

И вдруг — тот момент.

«Он играл и думал о том, что жизнь потеряна, пропала, ни за что, ни про что... И вдруг ему стало жутко от мысли, что он не был с ней ласков, не говорил ей тёплых слов, не жалел её».

Я тоже, как этот Яков, всю жизнь считал убытки. А главное — не успел сказать.

Я закрываю глаза. Наверное, поэтому я пишу эти записи.

Планшет гаснет через минуту, экран темнеет. В бараках тихо. Все устали, спят. Только гул станции как дыхание. Я лежу и слушаю.

ТРЕНИРОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС МЕГАКОМА — АВСТРАЛИЯ — ДЕНЬ — 10 ИЮЛЯ 2147

Вакуумные камеры размером с дом. Люди в скафандрах тренируются в невесомости. Лазерные буры режут искусственный лёд, пар поднимается клубами. Над ареной голографический таймер:

«ДО ЭКСПЕДИЦИИ НА ЕВРОПУ: 12 ДНЕЙ». В воздухе висят дроны-медики, сканирующие пульс и уровень радиации. На стене проекция Европы: белый шар с трещинами, под ним надпись «ОКЕАН ЖДЁТ. МЕГАКОМ ДОСТАВИТ».

Уже почти месяц здесь. Каждый день вакуумные камеры, искусственная гравитация 0.13g, симуляторы бурения. Лёд из замороженного аммиака ломается, но в реальности будет не просто. Молодые кричат от восторга. Для них это целое приключение. Старики хмурятся. Бывалые. Знают.

Еда вязкая, как клей. Безвкусная. Только просчитанные калории. Молодые шутят. Старики едят молча.

Медкомиссия каждую неделю. Кровь, сканы, тесты на психику. Врач, избегая смотреть в глаза, выдаёт:

«Ты в норме».

Перед ним висит на стене протокол криоподготовки:

«CryoServe v3 — совместимость: 94%».

Цифра красивая, пока не узнаешь, что 6% не просыпаются. Или просыпаются не теми, кем засыпали.

Для моего возраста это приговор. Если выживу в полёте, то радиация сожрёт быстрее, чем на Марсе.

На запястье использованный браслет. Мультифункциональный, в пластиковом корпусе, с голографическим индикатором. В армии такие только входили в тестирование, когда я увольнялся. Теперь у каждого. Я покрутил рукой, припоминая. На Марсе мы пользовались старыми

дозиметрами-таблетками — носили на груди, как ордена. Они темнели от облучения. Этот светится зелёным. «0.02 мЗв», — выводит цифру. Гражданская версия: всё красиво, наглядно, без паники.

Уже в Австралии я чувствовал это. Фоновое облучение от старых реакторов Мегакома. Сколько же сюда прибыло кандидатов.

После медкомиссии слышу рядом всякую болтовню:

во рту привкус металла.

Будто лизнул батарейку в детстве.

Я тогда подумал — стоматит.

Зубы.

Ты постарел, брат.

Ха-ха.

Глупые.

Молодые всё ещё верят в лучшее будущее. Легендарный океан на спутнике. Для них это большое приключение. Встреча с неизведанным. Пионеры космоса. Герои.

Елена уверена, что найдёт жизнь на спутнике. Блэкторн повторяет: «*Контракт — это не война, знаем, чем закончится*». Это мои новые знакомые и коллеги. Скучать с ними не будем.

Вечером звоню тебе. Ты не берёшь трубку. К сожалению, малышка, я знаю что делать.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЙ КОСМОДРОМ МЕГАКОМА — ДЕНЬ — 22 ИЮЛЯ 2147

Огромная стартовая площадка. Сто двадцать человек в белых скафандрах стоят под куполом. Над ними орбитальный лифт на серебряном тросе, уходящий в геостационарную орбиту. В небе цепочка грузовых шаттлов, поднимающихся к орбитальной станции — к стыкованному кораблю «ПИОНЕР-1».

Голографические экраны показывают Юпитер в реальном времени: вихри, Великое Красное Пятно, как глаз демона. Дроны-камеры снимают всё для акционеров. Голос из динамиков:

«МЕГАКОМ ПРИВЕТСТВУЕТ ПЕРВУЮ СМЕНУ БУРИЛЬЩИКОВ ЕВРОПЫ. НАШЕ БУДУЩЕЕ В ВАШИХ РУКАХ».

Большинство — молодые лица. Глаза горят так, будто им пообещали бессмертие. Но я знаю — это миф, а реальность — это пот, травмы, кровь и поломки, которые ждут впереди.

Андрей Морозов. Двадцать семь лет. Позывной «Дрейк». Он говорит быстро, смеётся громко, верит в будущее так, как верят только те, кому ещё не приходилось терять.

У него в наушниках постоянно играет музыка. Старые треки двадцать первого века, какие-то забытые хиты, которые он называл «золотой эпохой».

ДРЕЙК

Ты не понимаешь, Сокол. Тогда люди ещё верили, что всё будет хорошо. Это же история...

СОКОЛИН

Я не спорю.

ДРЕЙК

Сокол, ты слышал? Европа — это целый океан подо льдом. Воды больше, чем на Земле.

СОКОЛИН

Это не прогулка по парку, парень...

ДРЕЙК

Да, я знаю про радиацию... В компании самые лучшие технологии. У нас будет хорошая защита...

Я кивнул. Он прав. Мы летели не вслепую. Данные автоматических станций, орбитальных телескопов, разведочных миссий подтверждали: ледяная кора в среднем 15 километров. Приливные силы Юпитера разогревают недра. Гидротермальные источники возможны. Жизнь возможна. Человечество ищет воду вдали, иссушив свою планету, — ирония.

Доктор Елена Воропаева. Океанолог. Спокойная, сдержанная. Взгляд человека, который видел много цифр, чтобы верить в чудеса, но всё ещё надеется.

ЕЛЕНА

Соколин, вы не верите в жизнь подо льдом?

Я впервые отметил для себя, что у неё красивые, голубые глаза.

СОКОЛИН

Я верю в свою работу, в поломки, цели. Буры ломаются. Люди ломаются. Главное — дотянуть до океана. А там посмотрим, кто нас ждёт.

Она смотрела молча и пристально.

Бывший полковник Рик Блэкторн командует сменами. Старый морской пехотинец. Его команда — ветераны старше сорока пяти. Такие, как я. Мы бурим не ради корпорации. Мы бурим потому, что другого пути у нас нет.

Мегаком — почти государство: владеет половиной Земли, Марсом, всей Луной. Теперь Европой. Лучший спутник для колонизации: ближе к Юпитеру, больше энергии от приливов, океан доступнее, чем на Ганимеди или Калисто.

Но для чего всё это? Ради прогресса? Пресной воды?

Или ради того, чтобы за достижениями в чужом мире скрыть тот факт, что мы разрушаем свой?

Завтра криосон. Девять месяцев полёта. Долгие сны. Я надеюсь, что в них не будет войн.

Врач на предполётном инструктаже говорил:

«Вы ничего не почувствуете».

Но ветеран с Марса рядом со мной хмыкнул:

«Так говорят тем, кто не просыпался в жидкости для промывки лёгких».

Мне тогда показалось верхом цинизма. Теперь не уверен.

Мария, кто-то говорил, что надежда — это не слабость, а оружие. Мечтай, о лучшем дорога.

О мире, где люди не бурили чужие миры, а лечили бы свой.

[ФРАГМЕНТ КРИОСНА. ДАННЫЕ ВОССТАНОВЛЕНЫ ЧАСТИЧНО]

Темнота.

Темнота. Мрак здесь имеет массу — он давит со всех сторон сразу. Постепенно приходит понимание: у меня больше нет тела. Нет дыхания. Только движение...

Потом медленный восход света.

Тоннель.
Металлический. Гладкий, зеркально отполированный. Уходит вперёд, в бесконечность.
По стенам капсулы.
Сотни.
Они вмонтированы в поверхность как органы в теле. Внутри силуэты людей. Спящие.
Я двигаюсь.
Плыву между ними.
Тела нет. Нет дыхания. Только движение.
В груди сердце.
Не орган.
Словно источник.
Оно горит, пульсирует в такт биению.
С каждым ударом свет расходится волнами, освещая капсулы. На мгновение — лица.
Знакомые.
Я останавливаюсь у одной капсулы и смотрю на спящего и вдруг осознаю: это я.
Смотрю на себя со стороны, как душа, отделившаяся от тела.
Неподвижное.
Погружённое в жидкость. В комбинезоне. Шлем.
Глаза закрыты.
Я склоняюсь ближе.
Свет из груди пульсирует чаще. Ярче.
Заливает лицо в капсуле.
Моё лицо.

Пауза.
...удар...
...удар...
...удар...
И тогда —голос.
Внутри.
Как вспышка памяти, зовёт. ТОР.
Резко.
Воздух рвётся в лёгкие.
Горло открыто, но вдох не получается — только беззвучный хрип.
Жидкость.
Она везде.
Во рту.
В носу.
Я задыхаюсь.
Тело бьётся.
Руки не слушаются.
Глаза распахнуты широко.
Свет режет.
Тесно.
Ощущения, что капсула постепенно сжимается.
Я внутри.
Стекло прямо перед лицом.
Я бьюсь.
Пытаюсь вдохнуть.

Ничего.

Только пузырьки выходящие изо рта.

Как у утопающего.

Паника.

Сырой, животный страх.

Я сейчас умру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.